This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PG
3386
L618
LOMBROSO, C.
MOE POSIESHCHENIE
TOLSTOGO.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Stanford University Libraries

Stanford University Libraries

Jon 22809
Lombroso, C.

МОЕ ПОСѢЩЕНІЕ

ТОЛСТОГО

ЦЕЗАРЬ ЛОМБРОЗО

D 1279
Double a
~~20055~~ 3

CAROUGE (GENÈVE)
M. ELPIDINE, LIBRAIRE-ÉDITEUR
1902

PG3386
L618

94280

Slavic coll
33008

ПРЕДИСЛОВІЕ

Настоящій разсказъ Ломброзо былъ написанъ имъ по просьбѣ редакціи нѣмецкаго журнала „Das Freie Wort“ (Свободное Слово) и помѣщенъ въ № 13 этого выходящаго во Франкфуртѣ изданія. Переводимъ его для русскихъ читателей, потому что, не смотря на свою краткость, онъ кромѣ нѣкоторыхъ свѣдѣній о Толстомъ, интересныхъ, какъ все, касающееся этого великаго писателя и человѣка, не лишенъ также интереса и по тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя оставили въ его авторѣ тѣ общія черты русской жизни, которыя ему довелось наблюдать во время своего короткаго пребыванія въ Россіи. Знаменитый криминалистъ, столь извѣстный публикѣ своими парадоксальными утвержденіями о существованіи людей, самою природою созданныхъ для преступленій, былъ въ Россіи въ первый разъ, пробылъ въ ней недолго и потому не могъ сказать о ней многаго. Но то немногое, что онъ сказалъ, можетъ служить типическимъ образчикомъ общаго впечатлѣнія, вывозимаго изъ нашего отечества каждымъ образо-

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Stanford University Libraries

—

иныхъ преступниковъ“,
имъ генералъ-полицій-
почувствовать, что онъ
о дѣтства впитаннымъ
производить на этого
жденнаго преступника,
го. Къ тому же оказы-
зызвѣстна характерная
ія нашимъ отечествомъ,
выразилъ въ своемъ за-
Россіи полиція могуще-

ь, что только такимъ всемогу-
ть ту изумительную даже для
беззастѣнчивость, съ которой
Синягинъ, разрѣшившіе себѣ
занской площади, продолжаютъ
своихъ властныхъ служебныхъ
надежныхъ слугъ государя, не
чаго негодованія противъ нихъ
дство лицъ вполнѣ ему предан-
ности предупреждавшихъ его о
такого рода служенія. Такъ,
получившаго, какъ извѣстно,
у противодѣйствія вышеупомя-
изъ наиболѣе любимыхъ ца-
рымъ онъ обходится потовари-
маніе своего высочайшаго друга
ка неистовства полиціи и то же
аторской семьѣ престарѣлыхъ
не ошибаюсь), адресовавшаяся
ромъ она заявляла ему, что его
ь враждебныя чувства къ суще-
слояхъ общества, которые до
ивъ. Когда озадаченный этими
ныхъ объясненій Синягина, тотъ

объяснилъ ему, что онъ вынужденъ былъ поступать такъ, какъ поступалъ, вслѣдствіе крайней необходимости предотвратить серьезную опасность, угрожавшую государю и его правительству со стороны злоумышленниковъ, о затѣяхъ которыхъ онъ, Сипягинъ, имѣетъ самыя достовѣрныя и подробныя свѣдѣнія, но что если государь не одобряетъ его дѣйствій, то онъ готовъ тотчасъ же подать въ отставку. Результатомъ этого объясненія были—царская опала для товарища флигель-адъютанта, собственноручное письмо государя къ кн. Дашковой, любезно успокаивающее ея опасенія, и усиленіе царскаго довѣрія къ Сипягину, который теперь и пользуется этимъ довѣріемъ для того, чтобы допекать неугодныхъ ему людей произвольными обысками и арестами, разсыпать всевозможныя кары прессѣ, только что обрадованной было нѣкоторыми смягченіями ея положенія, да затягивать потуже петлю на шеѣ нашего земскаго и городского самоуправленія, въ которомъ, по мнѣнію мин. фин. Витте обстоятельно изложенному имъ въ письмѣ къ бывшему министру Горемыкину, самодержавіе должно видѣть своего естественнаго непріятеля. Въ настоящее время г. Сипягинъ, какъ слышно, вошелъ въ такую силу, съ которой тяжело стало считаться не только нашимъ прочимъ министрамъ и сановникамъ, но и разнымъ высочествамъ. Такимъ образомъ послѣ великаго полицейскаго разбоя на Казанской площади сердце царево ухвачено руками полиціи еще крѣпче прежняго и конечно будетъ пребывать тамъ до тѣхъ поръ, пока гг. Сипягинымъ да Клейгельсамъ не удастся наконецъ вызвать въ обществѣ такія заявленія ненависти къ «существующему порядку», которыя не оставили бы уже въ царѣ никакого сомнѣнія въ томъ, что режимъ бюрократическаго произвола, которымъ онъ губитъ Россію, не можетъ принести и ему самому ничего кромѣ позора и гибели.

МОЕ ПОСѢЩЕНІЕ ТОЛСТОГО

Уважаемая редакція!

Вы просили меня подѣлиться съ Вами впечатлѣніями, которыя я получилъ въ Россіи отъ моего свиданія съ Толстымъ. Я долженъ признаться, что до сихъ поръ, да даже и теперь я чувствую нѣкоторое смущеніе касаться этого предмета вслѣдствіе опасенія, чтобы какое-нибудь неосторожное слово моего разсказа не подало повода обвинять меня въ неблагодарности за необыкновенное радушіе и любезность оказаннаго мнѣ пріема. Постараюсь, однако, избѣжать этого.

Я прибылъ въ Россію въ 1897 г. на тамошній съѣздъ врачей. Гостепріимство, оказанное намъ въ то время правительствомъ, было такъ велико, что даже подрѣзало крылья рвенію русской полиціи,

которая въ этомъ государствѣ могущественнѣе самого царя. Тѣмъ не менѣе повѣрка моего паспорта задержала меня въ Варшавѣ до глубокой ночи, и втеченіе 18 часовъ, которые я провелъ тамъ, при видѣ полицейскихъ карауловъ, распаложенныхъ на углахъ всѣхъ улицъ и у дверей каждой гостинницы, длинныхъ процессій арестанговъ на большомъ мосту, безлюдныхъ площадей, оголенныхъ церквей и обезглавленныхъ статуй — мнѣ казалось, что правительство какъ бы рѣшилось обезглавить вмѣстѣ съ геніемъ польскаго народа и самую его мятежную столицу. Генералъ, поставленный на мѣстѣ городского Совѣта, военный лагерь, расположенный буквально на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ города, нахально вызывающее выраженіе на лицахъ офицеровъ и солдатъ, — все это произвело на меня такое сильное впечатлѣніе отвращенія и ужаса, какъ будто я очутился въ городѣ, захваченномъ гуннами, или находился въ своей родной Ломбардіи въ самые худшіе времена австрійскаго господства, ужасы котораго и до сихъ поръ не могутъ изгладиться изъ моей памяти.

Не смотря на это, пріемъ, такъ любезно приготовленный мнѣ русскими, превзошелъ всѣ мои ожиданія и заслуги. Когда я подумаю о томъ, что еще въ Смоленскѣ сотни студентовъ Московскаго университета вышли мнѣ на встрѣчу, что мои москов-

скіе коллеги, не позволивъ мнѣ остановиться въ гостиницѣ, отвели мнѣ помѣщеніе въ Кремлѣ, что я не могъ показаться на улицѣ, не будучи тотчасъ окруженъ толпою почитателей, что не только высшія должностныя лица, но и простые люди изъ народа, казалось, знали мои сочиненія, едва терпимыя въ моемъ отечествѣ, я съ грустью вспоминаю при этомъ, какъ невозможно было мнѣ отдѣлаться тогда отъ какого-то кошмара, который рядомъ съ радостями Капитолія рисовалъ мнѣ Тарпейскую скалу Сибири въ видѣ неизбѣжной кары за слишкомъ большое народное благоволеніе.

Между тѣмъ по поводу моего желанія посѣтить Толстого произошелъ слѣдующій случай.

Едва успѣлъ я послать телеграмму изъ Кремля знаменитому писателю о моемъ желаніи навѣстить его, какъ генералъ-полиціймейстеръ Кутузовъ далъ мнѣ понять, что этотъ визитъ будетъ очень непріятенъ правительству. Я возразилъ, что меня влечетъ единственно литературный интересъ. Но — напрасныя слова: генералъ въ отвѣтъ мнѣ принялся энергически кружить рукою въ воздухѣ и наконецъ сказалъ:

— Да развѣ вы не знаете, что у него тамъ, въ головѣ не совсѣмъ въ порядкѣ?

Я поспѣшилъ обратить въ свою пользу это замѣчаніе:

— Но потому-то именно мнѣ и хочется повидаться съ нимъ: вѣдь я психіатръ.

Лицо генерала мгновенно просвѣтлѣло:

— Это другое дѣло, — сказалъ онъ: — если такъ, то вы хорошо дѣлаете.

Черезъ день послѣ этого я уже выѣзжалъ изъ Тулы въ небольшой каретѣ въ Ясную Поляну, находившуюся неподалеку отъ этого города.

Не скрою, что я предпринялъ эту поѣздку къ Толстому отчасти и какъ психіатръ. Изучивъ впродолженіе долгихъ лѣтъ патологическія основы генія, я нашелъ въ разныхъ сочиненіяхъ Толстого столько благопріятныхъ для моей теоріи пунктовъ (напр. наслѣдственный недугъ, причуды и эксцентричности въ юномъ возрастѣ, припадки эпилепсіи, доходящее до галлюцинацій душевное возбужденіе), что могъ надѣяться встрѣтить нѣкоторыя подтвержденія этому и въ живой личности знаменитаго художника и романиста. Оправдались ли эти ожиданія? Все, что я видѣлъ, вступивъ въ домъ великаго писателя, клонится повидимому къ опроверженію какъ того, что я предполагалъ увидѣть въ немъ, такъ и всѣхъ этихъ легендъ, которыя съ теченіемъ времени образовались вокругъ его личности.

Начну съ описанія его наружности.

Подошедши къ дверямъ жилища Толстого, я увидѣлъ передъ собою старика съ почти солдатскимъ

выраженіемъ лица, съ острымъ пранцательнымъ взоромъ и глубокими морщинами на угловато очерченномъ лицѣ; все это напоминало скорѣе браваго, здороваго, прошедшаго черезъ военную выправку мужика, чѣмъ мыслителя и художника.

Пресловутый крестьянскій костюмъ его ограничивался очень удобной и безукоризненно чистой блузой, въ которую я и самъ охотно облекся бы во время сильныхъ жаровъ, и сапоги на его ногахъ совсѣмъ не походили на самодѣльные.

Обращеніе его было вполнѣ спокойное, корректное и любезное, за исключеніемъ случаевъ, когда разговоръ принималъ направленіе, противорѣчащее его идеямъ, касаясь такихъ темъ, какъ напр. „искусство для искусства“, или спора о „прирожденныхъ преступникахъ“; тутъ онъ нѣсколько выходилъ изъ этой обычной колеи; но то же самое я до сихъ поръ замѣчалъ у всѣхъ лицъ, которыя, разъ составивъ себѣ твердое убѣжденіе, охраняютъ его съ ревностью скряги, стерегущаго свое сокровище.

Не нашелъ я также никакого слѣда его лаптей и земледѣльческихъ работъ. Онъ занимался каждодневно четыре часа литературной работой, на которую промѣнялъ земледѣльческую по совѣту своей жены, какъ онъ самъ мнѣ сказалъ это.

Какъ и всякій замѣчательный человѣкъ, онъ знаетъ себѣ цѣну. Въ его домѣ нѣтъ такого

уголка, гдѣ бы не было его статуи, бюста или портретовъ, изображающихъ его то сидящимъ за столомъ, то верхомъ на лошади, то пишущимъ. Такъ же высоко цѣнитъ онъ и проповѣдуемыя имъ идеи, и казался весьма недовольнымъ, что я не зналъ ни одного изъ его произведеній, опубликованныхъ въ Туринѣ на итальянскомъ языкѣ у моего же издателя.

Но болѣе всего и съ полнымъ правомъ гордился онъ своею физической силой и выносливостью, которыя онъ, кажется, не безъ удовольствія показывалъ мнѣ. Въ самый день моего пріѣзда онъ впродолженіе двухъ часовъ игралъ съ своею дочерью въ лаунъ-теннисъ, послѣ чего, сѣвъ на имъ же самимъ взнузданную и осѣдланную лошадь, пригласилъ меня ѣхать вмѣстѣ съ нимъ купаться. Ему доставило особенное удовольствіе видѣть, что я черезъ четверть часа не могъ уже плыть за нимъ, и, когда я выразилъ удивленіе его силѣ и выносливости, жалуясь на свою немощность, онъ протянулъ руку и приподнялъ меня довольно высоко отъ земли, легко, какъ маленькую собачку. Конечно, только благодаря этой тѣлесной силѣ и своему вышеописанному образу жизни онъ былъ въ состояніи преодолѣть тяжкую болѣзнь, которою страдалъ въ послѣднее время.

Затѣмъ я послѣдовалъ за нимъ въ его рабочій кабинетъ, гдѣ меня ожидалъ совершенный сюрпризъ.

Stanford University Libraries

Между тѣмъ, какъ весь домъ былъ убранъ по барски, особенно спальня, на одной изъ стѣнъ которой было изображеніе Божьей Матери, помѣщенное его женой подъ грозными лицами портретовъ предковъ Толстого, которые далеко не были филантропами или философами, его рабочій кабинетъ оказался бѣдной сводчатой кельей, настоящей норой безъ малѣйшихъ украшеній кромѣ небольшого числа самыхъ необходимыхъ книгъ, помѣщавшихся въ стѣнныхъ нишахъ этого убѣжища.

Когда я спросилъ его о причинѣ такой чрезвычайной простоты и скудости, которыя, казалось, должны были дѣйствовать подавляющимъ образомъ на вдохновеніе генія, не вполнѣ удовлетворяя въ то же время и потребности въ воздухѣ и свѣтѣ, онъ сказалъ, что велѣлъ построить себѣ эту келью во избѣжаніе шума, чтобы никакой звукъ извнѣ не могъ нарушить его работы. Его жена—его вѣрный охранитель—хлопочетъ, чтобы никто и ничто не проникало въ это маленькое святая святыхъ ея мужа. Она же, а отчасти и ея дочери переписываютъ по ночамъ до десяти разъ разныя замѣтки, набросанныя имъ впродолженіе дня на клочкахъ бумаги, содержанія которыхъ ни одинъ типографъ не могъ бы разобрать, составляя такимъ образомъ изъ этихъ отрывочныхъ набросковъ удивительную по своей ясности прозу Толстого.

Во время завтрака, который былъ поданъ въ павильонѣ, находившемся неподалеку отъ дома, я могъ замѣтить ту полнѣйшую свободу, которой пользуется каждый у Толстого. Самъ онъ, также какъ и одна изъ его дочерей, вегетаріанецъ и абстинентъ, между тѣмъ какъ прочіе кушаютъ, что имъ угодно, и, какъ вездѣ, кушанья имъ приносятся слугами. Но Толстой, который, какъ онъ сказалъ мнѣ, не признаетъ отношеній господъ и слугъ, самъ и готовитъ себѣ пищу и приноситъ ее себѣ изъ кухни. Разумѣется что онъ долженъ употреблять ее въ большомъ количествѣ, чтобы изъ менѣе питательнаго растительнаго матеріала извлечь необходимые для его могучаго организма элементы.

И вотъ тотъ только тутъ, да еще когда я съ помощью слуги садился на лошадь, замѣтилъ я въ немъ остатокъ его старой склонности къ прозелитизму:

— Зачѣмъ, — спросилъ онъ меня, — вы позволяете служить себѣ другому человѣку? Я и сапоги себѣ чищу самъ, потому что не должно быть ни слугъ, ни господъ!

Я отвѣтилъ на это просто, что таковъ обычай въ Европѣ и что такъ какъ у него есть слуги, то должны же они къ чему-нибудь служить.

Другой парадоксъ, сказанный имъ мнѣ вполголоса, касался врачей, которыхъ онъ считалъ причи-

ной нервной болѣзни своего сына, но когда я старательно изслѣдовалъ одну изъ его дочерей, очень симпатичную молодую дѣвушку, которую лечилъ отъ тифа какой-то старый негодный врачъ, и посовѣтовалъ ему пригласить молодого врача изъ Тулы, то мнѣ показалось, что онъ измѣнялъ свой неблагопріятный взглядъ на молодыхъ послѣдователей Эскулапа. Вообще говоря, онъ, по моему мнѣнію, былъ парадоксаленъ болѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ.

Но особенное удовольствіе доставило ему показать мнѣ очевидный примѣръ вѣрности его гигіенической и моральной теоріи. Послѣ завтрака онъ представилъ мнѣ очень худощавую женщину лѣтъ сорока отъ роду съ спокойнымъ выраженіемъ лица, одѣтую въ простое темное шерстяное платье, которая въ отвѣтъ на его вопросы сказала мнѣ, что она сосѣдняя крестьянка, страдала чахоткой и, будучи объявлена неизлечимой врачомъ, стала жить по примѣру Толстого, т. е. заниматься полевыми работами и питаться растительной пищей, при чемъ она раздала все свое имущество бѣднымъ, оставивъ себѣ только небольшой кусокъ земли, достаточный для удовлетворенія необходимыхъ потребностей жизни. Когда зимою семья Толстого уѣхала въ городъ, она, читая и перечитывая его сочиненія, продолжала тотъ же образъ жизни, которому и обязана своимъ исцѣленіемъ. Зная, какъ врачъ, какія чудесныя исцѣленія

производитъ порою религіозное внушеніе, я, конечно, ни мало не былъ изумленъ этимъ случаемъ, между тѣмъ, какъ Толстой указывалъ на него съ торжествомъ, какъ на какое-то чудо. Я видѣлъ совершенную невозможность говорить съ нимъ, не раздражая его, о нѣкоторыхъ предметахъ и особенно о томъ, что у меня больше всего лежало на сердцѣ,—убѣждать его напр. въ справедливости теоріи „прирожденныхъ преступниковъ“, которую онъ упрямо отрицалъ, хотя онъ, какъ и я, лично видѣлъ такіе типы и описывалъ ихъ. Но тутъ между нами возвышалась духовная стѣна, которая мѣшала намъ понимать другъ друга. Стѣна эта заключалась въ его изумительномъ утвержденіи, что ни моя, ни прочія теоріи уголовнаго права не объяснили еще, на чемъ человѣческіе общества основываютъ свое право наказывать преступника.

Я сказалъ ему, что Оро, я, Ферри, Горофало и раньше меня — Романьози, не прибѣгая ни къ какому сверхчеловѣческому или божественному праву, основали право наказывать преступника на правѣ самозащиты: на той же необходимости, которая заставляетъ насъ поневолѣ быть жестокими съ животными, пользоваться ихъ мѣхами и мясомъ, чтобы не умереть отъ холода и голода, и еще болѣе на той необходимости, которая вынуждаетъ насъ убивать животныхъ, когда они угрожаютъ нашей жизни. Мы

такъ же, какъ и вы, сказалъ я, говоримъ такъ называемымъ прирожденнымъ преступникамъ: „вы не виновны, совершая свое преступленіе“. Но мы прибавляемъ къ этому: „не виновны и мы тоже, если прирожденныя свойства вашего организма ставятъ насъ въ необходимость ради собственной самозащиты лишать васъ свободы, хотя мы и сознаемъ, что вы болѣе заслуживаете состраданія, чѣмъ ненависти“.

Онъ оставался глухимъ ко всѣмъ этимъ доводамъ, насупливалъ свои страшныя брови, металъ на меня грозныя молніи изъ своихъ глубоко сидящихъ глазъ и наконецъ произнесъ:

— Все это бредъ! Всякое наказаніе преступно!

Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого я, читая его „Воскресеніе“, находилъ тамъ фактическія доказательства тому, что я напрасно надрывалъ свои легкія.

Немного спустя, я могъ убѣдиться собственными глазами, какъ много истинной доброты заключается въ великой душѣ этого человѣка, не смотря на злой и гнѣвный блескъ его глазъ во время спора Я видѣлъ безконечную толпу, настоящую процессію бѣдныхъ, сиротъ, больныхъ и несчастныхъ душою и тѣломъ, людей молчаливыхъ, какъ тѣни, изъ которыхъ одни прибыли сюда изъ далекихъ концовъ Россіи въ телѣжкахъ, везомыхъ ободранными клячами или

полуголодными собаками, другіе прибрели на костыляхъ или были принесены на плечахъ товарищей,— и всѣ они, получивъ отъ него деньги совѣтъ или утѣшеніе, уходили ободренные. Эта процессія, какъ я узналъ, возобновлялась еженедѣльно; она выразительнѣе всѣхъ книгъ и полемикъ.

Передъ отъѣздомъ я не преминулъ спросить его мнѣнія о франко-русскомъ союзѣ. Онъ сказалъ, что это самое большое несчастіе, которое могло только случиться съ русскимъ народомъ, такъ какъ до сихъ поръ опасеніе общественнаго мнѣнія Европы, центръ котораго во Франціи, нѣсколько стѣсняло тиранства правительства, между тѣмъ какъ теперь этого опасенія уже нѣтъ. И кажется, что факты и особенно печальный фактъ насилія надъ Финляндіей оправдываютъ этотъ взглядъ.

По моемъ возвращеніи въ Кремль бравый генералъ спросилъ меня, какъ я нашелъ Толстого.

— Мнѣ кажется, — отвѣтилъ я, — что это сумасшедшій, который гораздо умнѣе многихъ глупцовъ, обладающихъ властью. Но какъ же относится къ нему полиція? — спросилъ я въ свою очередь генерала.

— Очень просто, — отвѣтилъ онъ. — Мы разсматриваемъ его сочиненія и на тѣ изъ нихъ, которыя опасны для государства, налагаемъ запрещеніе, а

его самого оставляемъ въ покоѣ. Но если кто-нибудь изъ его друзей окажется опаснымъ для государства, то мы такого отправляемъ въ Сибирь.

Эта послѣдняя фраза можетъ до нѣкоторой степени оправдать опасенія, которыя я испытывалъ за себя во время моего пребыванія въ Россіи.

Stanford University Libraries

Stanford University Libraries
3 6105 011 994 378

AG
3386
.L618

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

DEC 13 1996